

Людвиг фон МИЗЕС

**ТЕОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ЦИКЛА**

Людвиг Мизес

Теория экономического цикла

«Интермедиатор»

УДК 330.831.8+338.12.0
ББК 65.02(4Авс)+65.012.331

Мизес Л. ф.

Теория экономического цикла / Л. ф. Мизес —
«Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-695-4

В настоящем сборнике представлены монографии и статьи Л. фон Мизеса, в которых он разрабатывал свою знаменитую теорию экономического цикла, сегодня известную как теория экономического цикла австрийской школы. В 1974 г. за развитие этой теории Фридриху Хайеку была присуждена Нобелевская премия по экономике. Теория цикла Мизеса описывает экономические процессы, происходящие в фазе неустойчивого бума, запускаемого снижением процентных ставок в экономике ниже «естественного» уровня. Особое внимание уделяется анализу процесса кредитной экспансии в форме эмиссии фидуциарных средств обращения. В сборник включены главы из общеэкономического трактата Л. фон Мизеса «Человеческая деятельность», посвященные теории капитала и теории процента. Они позволят читателю лучше разобраться в понятийном аппарате и логике теории экономического цикла.

УДК 330.831.8+338.12.0
ББК 65.02(4Авс)+65.012.331

ISBN 978-5-91603-695-4

© Мизес Л. ф.
© Интермедиатор

Содержание

Г. Хаберлер Деньги и экономический цикл[1]	6
I	6
II	9
III	11
IV	13
V	17
Стабилизация ценности денег и циклическая политика (1928)	20
Часть А Стабилизация покупательной способности денежной единицы	23
I. Постановка проблемы	23
1. Деньги, обладающие «стабильной ценностью»	23
2. Современные предложения	24
II. Золотой стандарт	24
1. Спрос на деньги	24
2. Экономия на деньгах	26
3. Процент на «праздные» резервы	27
4. Золото остается деньгами	28
III. «Манипулирование золотым стандартом»	29
1. Денежная политика и покупательная способность золота	29
2. Изменения покупательной способности золота	30
IV. «Измерение» изменений покупательной способности денежной единицы	31
1. Идеальные конструкции	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Людвиг фон Мизес Теория экономического цикла

Г. Хаберлер Деньги и экономический цикл¹

I

Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik

Von

Ludwig Mises

---

¹ Впервые опубликована в кн.: Gold and Monetary Stabilisation (Lectures on the Harris Foundation). Quincy Wright, ed. Chicago: University of Chicago Press, 1932. Перевод с англ. А. В. Фильчука под ред. А. В. Куряева. Готфрид Хаберлер выступил с этой лекцией в 1932 г. на конференции в Чикагском университете, где в разгар Великой депрессии самые известные экономисты США обсуждали денежную и налоговую политику. Как отмечает Мюррей Ротбард, «вероятно, это было первое изложение теории [экономического цикла] Мизеса перед американскими экономистами» (см.: Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН, 2012. С. 439).

Титульный лист первого немецкого издания монографии «Стабилизация ценности денег и циклическая политика»

Говоря в этой лекции об экономическом цикле, я имею в виду не только и не столько те масштабные финансовые и экономические потрясения, с которыми мир столкнулся в последние несколько лет. Хотя, возможно, было бы интереснее поговорить об этих драматичных событиях: о спекуляциях, брокерских ссудах, биржевом крахе, массовых банкротствах, паниках, острых финансовых кризисах, как внешних, так и внутренних, об утечке золота и об экономических и политических последствиях всего этого. Однако я удержусь от соблазна и не стану драматизировать свое изложение. Вместо этого я попытаюсь добраться до более фундаментальных экономических колебаний, лежащих в основе тех ярких и бросающихся в глаза явлений, о которых я только что говорил.

Для полного понимания экономического цикла необходимо различать первичное и фундаментальное и вторичное и случайное колебание. Фундаментальным проявлением экономического цикла является волнообразное колебание экономической активности (если мне будет позволено в данный момент употребить это весьма расплывчатое выражение). Ход современной экономической жизни не представляет собой ровного и непрерывного роста; он прерывается не только внешними возмущающими факторами, такими как войны и другие аналогичные катастрофы, но демонстрирует и внутренне присущую дискретность; периоды быстрого развития сменяются периодами стагнации.

Вначале внимание экономистов было сосредоточено на вторичных и случайных явлениях – ярких крахах и финансовых паниках. Экономисты пытались объяснить их, ссылаясь на отдельные катастрофы, заблуждения и ошибочные спекуляции руководителей тех банков и фирм, с которых все начиналось. Но регулярное повторение таких катастроф в XIX в. навело экономистов на мысль, что перед ними не разрозненные несчастные случаи, а симптомы серьезной болезни, поражающей все тело экономики.

Во второй половине XIX в. наметилась отчетливая тенденция смягчения циклических потрясений. Наиболее бросающиеся в глаза события – крахи, банкротства, паники, – стали менее многочисленными, а в некоторых циклах они вообще отсутствовали. Перед войной большинство экономистов считали, что эта тенденция будет продолжаться и драматичные крахи и паники, свидетелем которых был XIX в., навсегда остались в прошлом.

Однако нынешняя депрессия показывает, что мы рано радовались: мы еще не избавились от этого бича капиталистической системы.

Но мы можем и должны извлечь из прошлого важный урок: если мы желаем глубже понять тот внутренний механизм капиталистической системы, который приводит к циклическим колебаниям, то должны попытаться объяснить фундаментальное явление, отвлекаясь от случайных событий, которые могут как отсутствовать, так и присутствовать.

Если пренебречь вторичными явлениями, то экономический цикл представляет собой периодические подъемы и спады общей деловой активности, или, выражаясь точнее, объема производства. Вековой рост производства представляет собой не сплошной, непрерывный повышательный тренд, а волнообразное колебание вокруг среднего годового прироста. Не имеет большого значения, характеризуется фаза спада цикла абсолютным падением объема производства, или всего лишь снижением темпов роста.

В этой лекции я не касаюсь изошренных процедур, при помощи которых статистики отделяют циклические колебания от других периодических и беспорядочных колебаний, на которые они накладываются или которых накладываются на них. Я предполагаю, впервые, существование экономического цикла, не тождественного сезонным колебаниям в течение года и беспорядочным нерегулярным возмущениям, вызываемых войнами, периодами спровоциро-

ванной правительством инфляции и т. п. Об этом следует сказать прямо, поскольку само существование рассматриваемого феномена ставилось под вопрос. Вовторых, я предполагаю, что мы в состоянии выделить эти колебания статистически.

Наша главная задача – объяснить эти колебания и в особенности установить роль денег в самом широком смысле этого слова, включая кредитные и банковские деньги.

II

Едва ли существует хоть одно объяснение экономического цикла – я все-таки не решаюсь говорить «теория экономического цикла», поскольку у многих существует предубеждение против этого термина, – в котором денежный фактор не играл бы решающей роли. И так и должно быть: даже если отвлечься от упомянутых выше сопутствующих явлений, самым ярким симптомом экономического цикла является рост цен в периоды процветания и падение цен в период депрессии; с другой стороны, объем производства во время фазы подъема растет, а во время фазы падения снижается. Но не только товаров производится и продается больше, происходит увеличение числа сделок в других отраслях экономики, например на фондовой бирже. Поэтому мы имеем все основания говорить о росте объемов платежей во время фазы подъема цикла и о явном уменьшении этого объема во время депрессии.

Итак, для того, чтобы справиться с увеличением объема платежей, необходимо увеличение средств платежа – средств платежа в самом широком смысле слова. Это может произойти в результате увеличения:

- а) золотых денег или законного платежного средства;
- б) банкнот;
- в) банковских депозитов и банковских кредитов;
- г) обращения чеков, векселей и других средств платежа, которые регулярно или иногда заменяют обычные деньги;
- д) скорости обращения одного или всех средств платежа.

Я не утверждаю, что данный список является исчерпывающим и систематическим. Разные авторы используют разную терминологию. Одни предпочитают называть банковские депозиты, на которые могут выписываться чеки, деньгами, банковскими деньгами, кредитными деньгами. Другие ограничивают понятие денег законными платежными средствами и тогда говорят о банковских депозитах как о средстве сэкономить деньги и сделать их более эффективными в осуществлении платежей путем увеличения скорости обращения. Третьи питают антипатию к термину «скорость обращения» и предпочитают говорить об изменениях потребности в деньгах и средствах платежа.

И без углубления в технические детали, я надеюсь, очевидно, что во время фазы подъема должно происходить увеличение средств платежа, а во время фазы падения – соответствующее сокращение.

Ни одна серьезная теория, ни одно объяснение цикла не может позволить себе не замечать, игнорировать или отрицать этот факт. Различия могут возникать только относительно:

- а) конкретного способа расширения – то ли это прежде всего увеличение количества кредитных денег, законного платежного средства или золота, то ли всего лишь увеличение скорости обращения одного из перечисленных видов денег; и
- б) причинной последовательности.

Что касается причинных отношений, то вообще говоря открыты две возможности:

1. Можно считать, что импульс исходит со стороны денег, что денежное обращение расширяется в результате преднамеренных действий банков или иных денежных властей и что отсюда берет начало вся цепочка событий, или

2. Можно придерживаться мнения, что денежные власти играют пассивную роль; что инициатива исходит со стороны товаров, что изменение спроса на некоторые товары, сдвиги в структуре производства, изобретения и усовершенствования, большие урожаи или психологические силы, волны пессимизма и оптимизма, – что одно из этих явлений и его последствия приводят к увеличению или снижению объема производства и что это, в свою очередь,

вовлекает в обращение большее количество средств платежа. Большой поток товаров вызывает большой поток денег.

Первую группу теорий, утверждающих, что активная причина цикла лежит на стороне денег, можно назвать «денежными теориями» экономического цикла. В более широком смысле мы можем включить в группу денежных теорий также те, в которых признается, что импульс может исходить со стороны товаров, но утверждается, что надлежащая политика денежных властей, эффективное и эластичное регулирование объема платежных средств, может предотвратить любое серьезное возмущение.

Как вы знаете, в качестве критерия для такой политики чаще всего рекомендуется «стабилизация уровня цен» в том или ином смысле этого весьма неопределенного термина. Все вы согласитесь, что за час невозможно всесторонне обсудить эту проблему. Поэтому я ограничусь указанием недостатков этой разновидности денежной теории и ее рекомендаций по лечению экономического цикла, концентрирующих свое внимание на изменениях в уровне цен. Затем я попытаюсь осветить более совершенные денежные теории цикла, разработанные за последние несколько лет, пока не столь широко известные в этой стране. Эти теории объясняют некоторые особенности цикла (особенно последнего), плохо совместимые с более грубыми формами денежного подхода, отождествляющими влияние денег с изменением общего уровня цен.

III

Традиционная денежная теория, представленная такими широко известными авторами, как шведский экономист профессор Кассель и г-н Хоутри из английского казначейства, рассматривают фазы подъема и спада экономического цикла в качестве дубликата осуществляемой государством простой инфляции или дефляции. Разумеется, это как правило более мягкая форма инфляции или дефляции, но по сути это то же самое. Г-н Хоутри утверждает это совершенно недвусмысленно в своей знаменитой формуле: «Торговый цикл – это чисто денежный феномен», и в принципе есть не что иное, как инфляция во время войны и дефляция, т. е. сокращение количества платежных средств, осознанно осуществленная некоторыми государствами с целью сблизить или восстановить послевоенный паритет своих валют.

Хоутри, разумеется, признает и подчеркивает различие в степени между двумя типами инфляции и дефляции, а именно то, что расширение и сокращение в ходе экономического цикла вызывается главным образом несоответствием учетной ставки, что не является причиной инфляции, осуществляемой государством. Сегодня уже почти все признают, что понижение учетной ставки банковской системой, особенно центральными банками, побуждает людей заимствовать больше, вследствие чего увеличивается количество платежных средств и растут цены. Рост учетной ставки приводит к противоположному результату: он ведет к понижению цен или, если они росли, останавливает повышение. Конечно, я знаю, что здесь нужны некоторые оговорки, но полагаю, что столь компетентной аудитории достаточно сказать, что буквально это верно только в том случае, если влияние изменения учетной ставки не компенсируется какой-либо другой силой, оказывающей влияние на готовность деловых людей осуществлять заимствования. Но при наличии всех этих обстоятельств, иными словами, при прочих равных условиях, изменение учетной ставки повлияет на цены указанным образом. В любой данной ситуации существует одна ставка, при которой уровень цен будет оставаться постоянным. Если ставка принудительно устанавливается ниже равновесной, цены повышаются; если ставка устанавливается выше равновесной, цены понижаются.

Итак, согласно г-ну Хоутри, во время фазы подъема наша банковская система имеет тенденцию держать процентную ставку на слишком низком уровне; цены растут, мы получаем кредитную инфляцию и рано или поздно банки вынуждены принимать меры для защиты своих резервов – они повышают процентную ставку и вызывают кризис или депрессию.

Сейчас нет времени детально обсуждать остроумные построения, с помощью которых г-н Хоутри объясняет, почему банки всегда заходят слишком далеко, почему их, подобно маятнику, бросает из одного крайнего положения в другое и они не останавливаются на равновесной ставке. Объяснение этого феномена, даваемое г-ном Хоутри, отличается от того, которое предлагают проф. Ирвинг Фишер и другие авторы, входящие в эту группу. Их объединяет мнение, что действие дестабилизирующих факторов проявляется через изменения в уровне цен. Именно через изменения уровня цен расширение и сжатие кредита и денег оказывают влияние на экономическую систему, поэтому все они полагают, что стабильность уровня цен является достаточным критерием рациональной политики регулирования кредита. Если бы было возможно поддерживать стабильность уровня цен, то процветание никогда не сменялось бы депрессией. Если уровню цен позволяют расти и наступают неизбежные последствия, то можно остановить депрессию и восстановить равновесие, если удастся остановить падение цен.

Позвольте мне кратко показать, почему эти объяснения представляются мне недостаточными. Или, другими словами, я попытаюсь показать, что а) зачастую уровень цен в качестве путеводной звезды денежной политики заводит не туда и что его стабильность не является достаточной гарантией от кризисов и депрессий, потому что б) кредитная экспансия оказывает

более глубокое и фундаментальное воздействие на экономику в целом, особенно на структуру производства, чем это выражается в простом изменении уровня цен.

Главный недостаток этих теорий заключается в том, что они не делают различия между падением цен в результате действительного уменьшения количества платежных средств и падением цен в результате снижения издержек, вызываемого изобретениями и совершенствованием технологии. (Однако я должен упомянуть, что данное критическое замечание не относится к гну Хоутри, который путем своеобразного толкования термина «уровень цен» признает это различие, хотя и не делает из него необходимых выводов.)

Действительно, если происходит абсолютное уменьшение количества денег, то спрос падает, цены снижаются и дело заканчивается серьезной депрессией. Нормальные условия вернутся только после того, как все цены будут снижены, включая цены на факторы производства, особенно это касается заработной платы. Этот процесс может быть долгим и болезненным, потому что одни цены, например заработная плата, являются жесткими, а значение других цен и суммы долговых обязательств зафиксированы на длительный промежуток времени и вообще не могут быть изменены.

Отсюда, однако, не следует, что это относится и к случаю, когда цены падают вследствие снижения издержек. В настоящее время общепризнанно, что период, предшествующий нынешней депрессии, характеризовался быстрым технологическим прогрессом, особенно в сфере добычи сырья и сельском хозяйстве, а также в области промышленного производства.

В такой ситуации цены должны были бы постепенно снижаться, и очевидно, что такое падение цен не могло иметь тех отрицательных последствий, которые сопровождают падение цен, вызванное уменьшением количества денег. Пожалуй, можно говорить об «относительной дефляции» количества денег – относительно потока товаров – в противоположность «абсолютной дефляции».

В частности, те авторы, которые указывают на нехватку золота как причину нынешней депрессии виноваты в том, что не видят радикального различия между абсолютной и относительной дефляцией. Нехватка золота может привести только к относительной дефляции, которая не может вызвать таких катастрофических последствий, как переживаемая в настоящий момент депрессия. О возможной косвенной связи – я не рискую сказать «причине» – «незначительности» (smallness) годового производства золота и остроты нынешней депрессии и глубины падения цен, я скажу немного позже.

Итак, как уже сказал, в период с 1924 по 1927 г. и в 1928 г. мы пережили беспрецедентный рост объемов производства. С другой стороны, как все знают, товарные цены, измеряемые индексом оптовых цен, оставались сказочно стабильны. Отсюда следует, и статистические исследования это подтверждают, что объем платежных средств увеличился. Мы могли бы сказать, что это была «относительная инфляция», т. е. увеличение платежных средств, не приведшее к росту товарных цен, потому что компенсировало последствия параллельного увеличения объема производства.

Таким образом, естественно предположить, что все беды порождены как раз этой относительной инфляцией. Если это так, – а мне это представляется весьма правдоподобным, – то становится очевидным, что уровень цен в качестве ориентира денежной политики вводит в заблуждение и что функционирование экономической системы испытывает денежные влияния, не находящие соответствующего отражения в изменении уровня цен, по крайней мере когда его измерителем выступает индекс оптовых цен. И действительно, некоторые денежные изменения оказывают серьезное влияние на экономическую систему, – которое может проявляться, а может и не проявляться в изменении уровня цен, – что полностью проходит мимо внимания традиционных денежных объяснений, хотя внешние симптомы этого влияния распознаются (хотя интерпретируются иначе) некоторыми неденежными теориями и дескриптивными исследованиями делового цикла.

IV

Изменения, которые я имею в виду и которые сейчас попытаюсь проанализировать, это изменения вертикальной структуры производства, как я буду это называть, вызываемые изменениями в предложении кредита для производственных целей. Когда нам приходится анализировать экономическую систему, мы можем рассмотреть ее горизонтальное и вертикальное сечение. На горизонтальном сечении перед нами предстанут различные отрасли и подотрасли промышленности, дифференцированные по производимым ими потребительским товарам: пищевая промышленность, включая сельское хозяйство, текстильная промышленность, индустрия развлечений и т. д. Отрасли, производящие товары производственного назначения, – скажем черная металлургия, – принадлежат к различным отраслям на этом горизонтальном сечении, потому что продукция черной металлургии используется в производстве многих или всех потребительских товаров. Старое утверждение, что общее перепроизводство немыслимо, что мы никогда не будем иметь слишком много всех товаров, поскольку человеческие потребности безграничны, но что серьезные диспропорции могут возникнуть вследствие частичного перепроизводства, относится главным образом к горизонтальной структуре производства.

Диспропорциональность в этом смысле означает, что по той или иной причине, нарушена надлежащая пропорция в распределении факторов производства между различными отраслями, что, например, излишне развита автомобильная промышленность, т. е. в нее вложено неоправданно много капитала и труда по сравнению с относительным спросом на продукцию этой отрасли и продукцию других отраслей. Надеюсь, я понятно объяснил, что я понимаю под горизонтальной структурой и горизонтальными диспропорциями производства.

С другой стороны, прослеживая стадии производства каждого товара, готового к потреблению, и отмечая через сколько стадий должен пройти конкретный товар, прежде чем достигает конечного потребителя, мы изображаем вертикальное сечение экономической системы. Возьмите, к примеру, пару обуви и проследите ее генеалогическое древо. Наш путь лежит из розничного магазина, через оптовика, на обувную фабрику; пойдя по одной из тропинок, сходящихся в этой точке, скажем по той, которая привела сюда швейную машину, используемую при производстве обуви, мы попадаем сначала на машиностроительный, затем на сталелитейный завод, и в конце концов на железный рудник. Если мы пойдём по другой тропинке, то она приведет нас на ферму, где выращивают скот для получения кожи. Кроме того, между основными этапами производства существует много промежуточных стадий, а именно различные транспортные услуги. Прежде чем попасть к конечному потребителю каждый товар должен пройти множество последовательных подготовительных этапов. Много времени требуется, чтобы провести каждое конкретное изделие сквозь весь процесс, от истока до устья, где оно впадает в бездонное море потребления и исчезает в нем. Но если весь процесс отлажен и каждая из последовательных стадий надлежащим образом оснащена постоянным и переменным капиталом, мы можем ожидать непрерывный поток потребительских товаров.

В оборудовании всех этих последовательных стадий производства воплощен весь запас капитала страны, накопленный на протяжении столетий. Количество накопленного капитала является мерой длины русла этого потока. В богатых странах русло очень длинное, и товары, прежде чем достичь потребителя, должны пройти через много стадий. В бедных странах этот поток гораздо короче и объем производства соответственно меньше. Если по ходу экономического развития накапливается и инвестируется капитал, то добавляются новые стадии производства, или, говоря экономическим языком, оно становится более окольным. Можно привести множество примеров, если сравнить сегодняшние методы производства с теми, которые применяли наши отцы, или если сравнить производственные процессы в богатой и бедной странах.

Но какое отношение это имеет к экономическому циклу? Когда я говорил о вертикальной структуре производства и влиянии на нее денежных сил, я имел в виду удлинение и укорачивание производственных процессов. Очевидно, что точно так же, как существуют определенные пропорции между различными горизонтальными отраслями производства, должно существовать определенное соотношение производственных ресурсов – труда и капитала, – распределенных между более близкими и более отдаленными стадиями производства: для текущего производства потребительских товаров посредством существующего производственного аппарата и для расширения этого аппарата с целью увеличения производства потребительских товаров в будущем.

Если, к примеру, слишком много труда затрачивается на удлинение процесса и слишком мало на текущее потребление, то мы получим несогласованность вертикальной структуры производства. И можно показать, что определенные денежные воздействия, а конкретно, кредитная экспансия со стороны банков, понижающих ставку процента ниже ставки, которая бы существовала, если бы на рынок капитала попадали только те суммы, которые являются сбережениями публики из своего текущего дохода, – так вот, можно показать, что такое искусственное понижение процентной ставки побудит деловых лидеров предпринять излишнее удлинение процесса производства, другими словами приведет к ошибочным инвестициям. Когда полное осуществление процесса производства занимает значительный период времени, то слишком поздно обнаруживается, что вновь начатые процессы излишне длинны. Как мы скоро увидим, неизбежно наступает реакция: ставка процента опять поднимается до естественного уровня и даже выше. Новые инвестиции перестают быть прибыльными и становятся невозможным завершить новые окольные методы производства. От них приходится отказываться и ресурсы возвращаются к старым, более коротким методам производства. Этот процесс корректировки вертикальной структуры производства, неизбежно подразумевающий потерю большого количества постоянного капитала, который был инвестирован в эти более длинные процессы и который нельзя переместить, происходит в период депрессии и составляет его суть.

К сожалению, невозможно обсудить здесь все этапы этого процесса и сравнить их с соответствующими фазами экономического цикла, описанием и объяснением которого они являются. Я надеюсь дать вам ясное представление о том, что происходит в наших капиталистических обществах во время экономического цикла путем сравнения с соответствующими событиями в коммунистической экономике.

То, что русские сейчас делают, или пытаются делать, – пятилетние планы – есть не что иное, как отчаянные попытки увеличить окольность производства с целью увеличить в будущем производство потребительских товаров. Вместо производства потребительских товаров при помощи существующих примитивных методов, они сокращают производство для целей немедленного потребления до минимально возможного уровня. Вместо производства обуви и домов они строят электростанции, металлургические заводы, стараются улучшить транспортную систему, словом, создают производственный аппарат, который превратится в потребительские товары только спустя значительный период времени.

Предположим, что выполнить этот амбициозный план оказывается невозможным. Допустим, что правительство приходит к заключению, что население не может выдержать огромного напряжения, или что революция угрожает его разрушить, или что путем голосования решено изменить политику. В любом случае, если они вынуждены отказаться от вновь начатых окольных способов производства и производить потребительские товары как можно скорее, они должны будут остановить возведение электростанций, металлургических и тракторных заводов и вместо этого поспешно производить простые орудия и инструменты, чтобы увеличить производство продовольствия, обуви и домов. Это означало бы огромную потерю капитала, воплотившегося в недостроенные заводы.

То, что в коммунистическом обществе делается в соответствии с решением верховного экономического совета, в нашем индивидуалистическом обществе порождается коллективными, но независимыми действиями отдельных людей и опосредуется механизмом цен. Если множество людей и корпораций решат осуществить сбережения, ограничат на некоторое время свое потребление, то спрос на потребительские товары и их производство упадут, производственные ресурсы переместятся в более отдаленные стадии производства и процесс производства удлинится.

Если мы полагаемся на добровольные сбережения, мы можем допустить, что каждый год будет сберегаться примерно одна и та же доля национального дохода, хотя не всегда одними и теми же индивидами. В таком случае мы имеем постоянный поток сбережений и приспособление производства происходит не в виде действительного перемещения инвестированных производственных ресурсов, а в виде устойчивого отклонения потока производственных ресурсов в другие каналы.

Не существует никаких причин, почему этот процесс не может протекать гладко и непрерывно. Резкие колебания вызываются банками. Эффект добровольного решения публики осуществить сбережение, т. е. изъять производственные ресурсы из текущего производства потребительских товаров и направить их на удлинение процесса, может быть произведен также и банковской системой. Если банки создают кредит и передают его в распоряжение деловых людей, желающих использовать его на производственные цели, то часть денежного потока, направляемая на более отдаленные стадии производства, увеличивается. По сравнению с тем, что соответствовало бы добровольному решению членов экономического сообщества, большее количество производственных ресурсов будет переориентировано с текущего производства потребительских товаров на удлинение процесса. Этот процесс экономисты описывают как вынужденное сбережение. Поначалу все идет хорошо. Но очень скоро цены начинают расти, потому что фирмы, получившие новые деньги, используют их для приобретения факторов производства – труда и капитала – и предлагают за них более высокие цены, чтобы перебить предложения тех фирм, которые занимаются производством потребительских товаров. Заработная плата и цены начинают расти, что ограничивает потребление тех, кому не удалось увеличить свой денежный доход. В случае если предшествующее инвестирование добровольных сбережений уже сформировало тенденцию падения цен, новый кредит, вместо того чтобы привести к абсолютному росту цен, может просто компенсировать снижение цен, которое произошло бы в противном случае.

Спустя некоторое время начинается реакция, направленная на восстановление старого положения дел, которое было искажено впрыском денег. Новые деньги становятся доходом в руках владельцев факторов, которые были отвлечены от более близких [к потребительским товарам] стадий производства, и получатели данного дополнительного дохода, вероятно, будут придерживаться своей привычной пропорции сбережений и расходов, т. е. они вновь попытаются увеличить свое потребление.

Если они это сделают, то существовавшее до этого соотношение денежных потоков, направленных на приобретение потребительских товаров и товаров производственного назначения, будет восстановлено. В течение некоторого времени можно пытаться бороться с этой тенденцией и продолжать политику экспансии, впрыскивая новые кредиты. Но эти попытки приведут к усиливающемуся росту цен и рано или поздно от них придется отказаться. В этом случае старые пропорции спроса на потребительские товары и товары производственного назначения, безусловно, будут восстановлены. Как следствие, те фирмы в более близких стадиях производства, которые вынуждены были сократить объем выпуска из-за того, что факторы производства от них ушли, теперь смогут «отозвать» ресурсы от более отдаленных стадий производства. Новые окольные способы производства, внедренные в условиях искусственного стимулирования кредитной экспансии, или по крайней мере их часть станут убыточными. Они

будут прекращены, произойдет кризис и начнется депрессия. Иной результат возможен только в том случае, если к моменту, когда новые деньги стали доходом, новые процессы были уже завершены и появились на рынке в виде потребительских товаров. В этом случае дополнительный спрос найдет дополнительное предложение; увеличившемуся потоку денег будет соответствовать увеличившийся поток товаров. Однако это практически невозможно, потому что, как показал г-н Робертсон, период производства значительно длиннее, чем период обращения денег. Новые деньги неизбежно выходят на рынок потребительских товаров раньше, чем новые процессы завершаются и производят товары, готовые к потреблению.

V

Это объяснение спада, которое я имею возможность описать лишь схематично в общих чертах, разумеется, можно разработать более детально, и оно подробно разработано². Если эта интерпретация кризиса и распада большей части структуры производства верна, то сравнительно несложно объяснить дальнейшие события в более привычных терминах. Первоначальный распад части структуры производства должен иметь очень серьезные последствия. В нашей очень сложной экономике, основанной на кредите, где каждая часть системы прямо или косвенно связана со всеми остальными договорными связями, любое повреждение в любой точке сразу распространяется на другие. Если некоторые банки – нервные центры, в которых сходятся бесчисленные нити кредитных отношений, – разоряются в результате кризиса, то неизбежно возникает волна пессимизма: в качестве вторичного феномена с высокой вероятностью придется пережить кредитную дефляцию как результат общего недоверия и нервозности. Эти последствия, согласно объяснению традиционной денежной доктрины, сделают положение даже хуже, чем оно было, и вполне может случиться, что вторичная волна депрессии, спровоцированная более фундаментальными несоответствиями, разрастется до огромных масштабов. Но это в основном зависит от обстоятельств каждого конкретного случая – особенностей организации кредита, психологических факторов, и не обязательно должно отражать конкретные масштабы «реального» смещения структуры производства.

И теперь можно сказать несколько слов о косвенной связи между якобы недостаточным предложением золота и нынешней депрессией. Не может быть сомнений в том, что с начала войны количество золота не увеличилось в той же мере, что и объем платежей. Поддерживать уровень цен, на 50 % превышающий довоенный, можно было только путем возведения более массивного кредитного здания на фундаменте существующего запаса золота. В обычное время после завершения процесса инфляции, это не должно создавать проблем. Однако во время острых финансовых кризисов, когда исчезает доверие, когда происходит наплыв требований на банки и возникают паники, такая система становится крайне опасной. Если средства платежа состоят в основном из золота и обеспеченных золотом банкнот и сертификатов, то нет опасности, что значительная часть платежных средств внезапно может быть уничтожена. Однако мировая платежная система, значительную часть которой составляют кредитные деньги, склонна к быстрой дефляции, если рухнет эта воздушная кредитная структура.

Например, принятие золотовалютного стандарта многими странами означает возведение смелой кредитной надстройки на фундаменте существующего мирового запаса золота; эта структура может рухнуть, если эти страны откажутся от золотовалютного стандарта и вновь перейдут на старомодный золотой стандарт.

Однако было бы совершенно неправильно делать из этого вывод, что мы должны винить во всем скупость природы, и что ситуация была бы совершенно иной, если бы случайно добыча золота на протяжении последних 20 лет оказалась бы намного больше. Есть и другие факторы, прежде всего инфляция во время и после войны. Такая денежная политика способна изгнать из страны любой запас золота, каким бы большим он ни был. После этого вполне естественно отказаться от золотого стандарта и ввести золотовалютный стандарт, что, как я уже сказал, означает возведение кредитного здания на фундаменте существующего золотого запаса.

Поэтому, если бы годовое производство золота было выше, чем на самом деле, то вся картина заключалась бы в следующем: кредитная структура также была бы больше, и мы начали бы последний бум с более высокого уровня цен. Если это правильная версия того, что случи-

---

² См. особенно: *Hayek F. Prices and Production*. New York: Augustus M. Kelley, 1967 [*Хайек Ф. Цены и производства*. Челябинск: Социум, 2007]

лось, – а мне это кажется весьма вероятным, – то экономические последствия последнего периода кредитной экспансии – 1927–1929 гг. – и нынешняя дефляция были бы точно такими же.

Очень важно различать дополнительные, вторичные и случайные возмущения, и первичные «реальные» диспропорции процесса производства. Если причиной всех бед были бы только волна пессимизма и абсолютная дефляция, то избавиться от них можно было бы очень быстро. В конце концов, дефляция, какой бы сильной она ни была и по каким причинам ни возникала, в сравнительно короткие сроки может быть остановлена решительными инфляционными методами.

Однако если мы признаём, что в основе этих поверхностных явлений лежит далеко идущее смещение производственных ресурсов, мы должны перестать доверять шарлатанам, которые сегодня добиваются проведения инфляционных мер, обещающих принести почти мгновенное облегчение.

Если мы принимаем утверждение, что шестерни производственного аппарата выведены из зацепления, что для восстановления равновесия необходимо произвести масштабное перемещение труда и капитала, тогда категорически неверно, что экономический цикл представляет собой чисто денежное явление, как утверждает г-н Хоутри. Это неверно, хотя все беды вызваны денежными силами. В отличие от чисто денежных изменений смещение реального физического капитала ни в коем случае не может быть исправлено за очень короткий срок.

Я не отрицаю, что мы можем и должны бороться со вторичными явлениями – избыточным пессимизмом и неоправданной дефляцией. Не имея возможности вдаваться в подробности, я только хочу сказать, что не стоит ожидать слишком многого от лечения симптомов, и, с другой стороны, мы должны проявлять осторожность, чтобы снова не создать искусственную диспропорцию денежных потоков, направленных на потребительские и производственные товары, которая ведет к ошибочным инвестициям и порождает все беды. Самое худшее, что мы можем сделать, это односторонне усилить покупательную способность потребителя, так как именно непропорциональное увеличение спроса на потребительские товары ускорило кризис.

Огромным преимуществом этого более совершенного денежного объяснения экономического цикла перед традиционным, является прояснение неденежных, «реальных» изменений, происходящих под влиянием денежных сил. Делая это, оно заполняет разрыв между денежным и неденежным объяснением; оно извлекает зерна истины, содержащиеся в каждом из них, и соединяет в стройную систему. Оно включает в себя хорошо установленный факт, что каждый период бума характеризуется расширением инвестиций в постоянный капитал. Именно в создании постоянного капитала и основных материалов, из которых он состоит, – чугуна и стали – происходят наибольшие изменения: наибольшее расширение во время бума и наиболее резкое сокращение в период депрессии.

Этот факт, подчеркиваемый всеми дескриптивными исследованиями экономического цикла, не использовался в рамках традиционных денежных объяснений, формулируемых в терминах изменений уровня цен и смотрящих на реальную деформацию структуры производства как на второстепенную случайную проблему. Объяснение, представленное мной, не только описывает этот факт, как это делают так называемые неденежные объяснения цикла, но и объясняет его. Если понижается ставка процента, то все виды инвестиций переходят в плоскость практической реализации. Позвольте мне процитировать пример, приведенный г-ном Кейнсом в лекции, прочитанной в прошлом году в Институте фонда Гарриса: «Никто не считает, что стоит проводить электрификацию железных дорог в Великобритании на основе заимствований под 5 %... Но никто не станет спорить, что при 3,5 % это дело выгодное. То же самое касается бесчисленного количества технических проектов»³. Очевидно, что от понижения процентной ставки выигрывают прежде всего отрасли, в которых используется большое

³ Keynes J. M. Unemployment as a World Problem. Chicago, 1931. P. 39.

количество постоянного капитала, как, например, железные дороги, электростанции и т. д. В калькуляции издержек важное место у них занимают процентные выплаты. Однако, когда капитал становится дешевым, существует неоспоримая общая тенденция заменять труд механизмами. То есть больше труда и оборотного капитала используется для производства станков, железных дорог, электростанций, и сравнительно меньше – для текущего производства потребительских товаров. Выражаясь экономическим языком, околность производства возрастает. Ключевым моментом, а также точкой в которой наш анализ расходится с анализом г-на Кейнса, является понимание того, что неизбежно должна наступить реакция, если такого рода производственное расширение финансируется не реальными добровольными сбережениями людей и корпораций, а специально созданным кредитом. И с практической точки зрения очень важно – и последний бум должен довести это до нашего сознания – что стабильный уровень товарных цен не является достаточной гарантией от такого искусственного стимулирования расширения производства. Другими словами, что относительная кредитная инфляция, определение которой дано выше, точно так же порождает движение в противоположном направлении, как и абсолютная инфляция.

Я надеюсь, мне удалось дать вам более или менее ясное представление об усовершенствованном денежном объяснении экономического цикла. Я должен еще раз попросить вас не принимать за полное изложение то, что не может быть не чем иным, как кратким указанием [на правильное направление]. Достаточно детальное обсуждение этой аргументации потребовало бы большой книги. Поэтому я попросил бы вас не выносить окончательное суждение до тех пор, пока вы не ознакомитесь с более полным изложением этой точки зрения. На одно возражение я хотел бы ответить заранее. Действительно, эта теория страдает одним серьезным недостатком: она намного сложнее, чем традиционное денежное объяснение. Но это не вина этой теории, причина – в зловредности объекта. К сожалению, факты не всегда столь просты, как многим хотелось бы.

Стабилизация ценности денег и циклическая политика (1928)

Mises L. von. Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik. Jena: Gustav Fischer, 1928. Перевод по изд.: Mises L. von. Monetary Stabilization and Cyclical Policy // Mises L. von. The Causes of the Economic Crisis and Other Essays before and after the Great Depression. Auburn, ALA: Ludwig von Mises Institute, 2006. P. 53—153. Пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева.

В последнее время проблемы денежной и банковской политики оказались в центре внимания в связи с дискуссией о необходимости стабилизировать ценность денежной единицы и положить конец колебаниям экономической конъюнктуры. Благодаря серьезным попыткам объяснить и популяризировать эти важнейшие экономические проблемы о них стало известно почти всем. Если мы вправе говорить о моде применительно к экономической науке, то сегодня в моде исследования рыночной конъюнктуры.

Эта мода принесла определенную пользу. Благодаря пристальному вниманию к этим проблемам многие противоречивые теории, тормозившие развитие экономической науки, ушли в прошлое. В наши дни существует всего одна теория ценности денег – количественная. Теория торгового цикла тоже только одна – это теория фидуциарного кредита, разработанная на базе теории денежной школы; обычно ее называют денежной теорией торгового цикла. Конечно, эти теории изменились со времен Рикардо и лорда Оверстоуна. Они были пересмотрены и приведены в соответствие с представлениями современной субъективистской экономической теории, однако их суть осталась неизменной. Поэтому, несмотря на все известные сегодня недостатки старой денежной школы, следует отдавать ей должное.

В связи с этим становится очевидным, что и в этой области экономической теории имеет место поступательное развитие. Каждый отдельный шаг в ее разработке является абсолютно закономерным и необходимым. Никакие интеллектуальные усилия, потраченные на анализ этих проблем, не являются напрасными. Непрерывная линия научного прогресса связывает экономистов классической школы с современными исследователями. Достижения Госсена, Менгера, Вальраса и Джевонса, разъяснивших проблему антиномии ценности, позволяют нам разделить историю экономической науки на два периода: классический и современный, он же субъективистский. При этом не нужно забывать, что открытия представителей классической школы не вполне утратили свою ценность и в наше время. Современная наука продолжает успешно их использовать.

Во всех случаях, когда речь идет о серьезном рассмотрении какой-либо экономической проблемы, мы сталкиваемся с необходимостью учитывать один существенный феномен: агрессивное отрицание экономической науки по политическим соображениям. Этот феномен распространен повсеместно, но особенно широко в Германии. По вопросам покупательной способности денег и колебаний экономической конъюнктуры историзм и номинализм не способны высказать ничего дельного. Сторонники исторической, или эмпирико-реалистической, школы и приверженцы институционализма либо игнорируют эти проблемы, либо используют для их анализа те методологические и теоретические идеи, которые обычно жестко критикуют. Банковская теория, которая до недавнего времени была господствующей – по крайней мере в Германии, – ушла в заслуженное небытие. Сегодня ни один серьезный специалист не осмелится воспроизвести ее центральную доктрину: теорию эластичности обращения фидуциарных средств обращения⁴.

---

⁴ Шестнадцать лет назад, когда в первом немецком издании моей работы «Теория денег и фидуциарных средств обраще-

Однако то, что две политические проблемы, связанные с экономической стабилизацией, – проблема ценности денежной единицы и проблема фидуциарных средств обращения – получили широкую известность, имеет и негативную сторону. Когда теория становится популярной, она неизбежно подвергается риску искажения вплоть до степени полного извращения самой ее сути. Соответственно вокруг мер по стабилизации ценности денежной единицы и устранению колебаний экономической конъюнктуры сложились чрезмерно завышенные ожидания. Эту опасность не следует недооценивать, особенно в Германии, где в последние десять лет царствовало полное пренебрежение к экономической теории и, следовательно, не уделялось никакого внимания прогрессу экономической науки за границами страны. Кроме того, Германию абсолютно ничему не научил опыт других стран.

В Германии полностью игнорируют то, что идеи создания денежной единицы, которая обладала бы «стабильной ценностью», муссируются уже сто лет, как и то, что попытка положить конец экономическим кризисам уже предпринималась более восьмидесяти лет назад (я имею в виду закон о чартере Банка Англии 1844 г. (закон Пилля)). Для того, чтобы осознать всю внутреннюю противоречивость стабилизационных идей, совсем не нужно реализовывать их на практике. В то же время совершенно непростительно невнимание к тому, что в последнее время стало известно – или могло бы стать известно, если бы люди не были так слепы, – о денежной политике и фидуциарных средствах обмена.

Современные планы введения денежной единицы, обладающей «стабильной ценностью», и создания экономики, в которой нет колебаний конъюнктуры, разумеется, являются гораздо более тонкими, чем первые попытки такого рода. В них учтены многие несущественные критические замечания, однако они обладают теми же принципиальными недостатками, что и раньше. Надеждам на эти реформы сбыться не суждено.

Для того, чтобы выяснить, какое значение для экономической науки, публичной политики и деятельности частных лиц имеют столь популярные в наши дни исследования деловых циклов и статистики цен, требуется тщательный критический анализ, предмет которого не должен сводиться к циклическим изменениям. Как писал Бём-Баверк: «Теория кризисов не сводится к исследованию одного аспекта экономических явлений. Чтобы не остаться бредом дилетанта, она должна представлять собой последнюю или по меньшей мере предпоследнюю главу в описании экономической системы. Иными словами, теория кризисов – это плод всех наших знаний об экономических событиях и их взаимосвязях»⁵.

Теорию экономического цикла можно построить, лишь опираясь на завершённую теорию косвенного обмена, т. е. теорию денег и банковской деятельности. Этим часто пренебрегают и в наши дни. Бытуют самые разнообразные и ни на чем не основанные теории цикла⁶, а уж циклическая политика и вовсе проводится совершенно безответственно. Масса людей считает себя вправе судить – и устно, и письменно – о ценности денег и ставке процента. Когда такие люди оказываются парламентариями или государственными чиновниками, отвечающими за денежную и банковскую политику, они склонны предпринимать радикальные меры, о последствиях

ния» (*Mises L. von. Theorie des Geldes und der Umlaufmittel. 1912; пер. на англ.: Mises L. von. The Theory of Money and Credit. New London, Conn.: Yale University Press, 1953; Indianapolis, Ind.: Liberty Classics, 1980. [Рус. пер.: Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 1—529]) я объяснил феномен экономических кризисов с помощью теории фидуциарного кредита, я столкнулся повсюду, и прежде всего в Германии, с невежеством и тупым сопротивлением публики. Автор рецензии на мою книгу в шмоллеровском ежегоднике (*Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*) писал: «Выводы, к которым приходит автор, не заслуживают обсуждения». Рецензент из конрадовского ежегодника (*Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik*) выразился так: «Вероятно, не следует называть аргументацию автора полностью неверной; в ней по крайней мере есть внутренняя логика». Однако в результате и он отверг мою концепцию. Всякий, кто следит за экономической наукой, знает, что с тех пор ситуация принципиально изменилась. Моя теория, подвергнутая 16 лет назад осмеянию, сегодня получила всеобщее признание.*

⁵ *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. VII. S. 132.

⁶ См.: Хаберлер Г. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2005. С. 19—208 (Часть 1. «Систематический анализ теорий экономического цикла»).

которых не имеют никакого понятия. Однако именно в этой сфере экономического знания и экономической политики требуется особая осторожность и предусмотрительность. Ведь если к проблемам общества в этой области относиться поверхностно и безответственно, негативная реакция неизбежна. Удовлетворительное решение этих проблем можно найти только при условии серьезного и глубокого осознания того, что все рыночные явления взаимосвязаны.

Часть А Стабилизация покупательной способности денежной единицы

I. Постановка проблемы

1. Деньги, обладающие «стабильной ценностью»

Тысячелетиями золото и серебро служили людям в качестве общепризнанного средства обмена – т. е. денег, – несмотря на то что люди не имели ясных представлений о том, как возникают меновые отношения между этими металлами и потребительскими благами, иначе говоря, о том, как формируются цены на товары и услуги. В лучшем случае люди обращали внимание на колебания меновых отношений между этими двумя драгоценными металлами. При этом они настолько плохо понимали суть этих отношений, что пребывали в наивной уверенности, будто ценность драгоценных металлов «стабильна» и соответственно может служить мерой ценности товаров и услуг. Лишь значительно позже возникло понимание того, что меновое отношение между деньгами, с одной стороны, и потребительскими благами и услугами – с другой определяется спросом и предложением. Это привело к появлению первых, несовершенных версий количественной теории. Было известно, что резкие колебания объема производства денежных металлов приводят к резким изменениям денежных цен. Когда параллельно с «твердыми деньгами» стали использоваться «бумажные деньги», увидеть эту взаимосвязь стало еще проще, поскольку инфляцию бумажных денег трудно перепутать с чем-либо другим.

Это породило мнение о том, что правильная денежная политика исключает выпуск «бумажных денег». Однако вскоре после этого другие ученые обратили внимание политиков и деловых людей на колебания покупательной способности драгоценных металлов и предложили зафиксировать ценность денежных требований вне зависимости от текущей конъюнктуры. Они считали, что параллельно с использованием денег в качестве *standard of deferred payments*⁷ [стандарта отсроченных платежей] или вместо него нужно использовать табличный, индексный или многотоварный стандарт. Они не требовали изменить порядок заключения сделок за наличные, в ходе которых обязательства обеих сторон договора выполняются одновременно. Они предлагали ввести новый порядок кредитных сделок. По их мнению, такие сделки должны были осуществляться не в соответствии с той денежной суммой, которая первоначально указана в договоре, а в соответствии с такой суммой, покупательная способность которой равна покупательной способности суммы, указанной в первоначальном договоре, на момент завершения сделки. Регулировать этот вопрос должно было либо законодательство, либо соглашение сторон. Идея состояла в том, чтобы ни одна из сторон договора не получала «несправедливого» преимущества. Впервые она была сформулирована больше ста лет назад Джозефом Лоу (1822), а вскоре после этого ее повторил Джордж Полетт Скроп⁸. С тех пор такие предложения появлялись регулярно, но никто не пытался воплотить их в жизнь.

---

⁷ *Standard of deferred payments* переводится на немецкий как *Zahlungsmittel* (платежное средство). К сожалению, мы вынуждены отказаться от использования немецкого термина, поскольку он скомпрометирован номиналистами и харталистами и вызывает ассоциации с недавно опровергнутой «государственной теорией денег».

⁸ *Jevons W. S. Money and the Mechanism of Exchange*. 13th ed. London, 1902. P. 328ff.

2. Современные предложения

Одно из предложений, а именно предложение создать многотоварный стандарт, было направлено на то, чтобы дополнить металлический стандарт. После его реализации металлические деньги продолжали бы оставаться общепризнанным средством обмена во всех сделках, не связанных с отсроченными платежами. (Для простоты в ходе дальнейшего изложения мы будем говорить только о золоте, имея в виду металлические деньги вообще.) Таким образом, рядом с золотом – общепризнанным средством обмена должен был появиться индексный (многотоварный) стандарт – стандарт отсроченных платежей.

В последнее время появились более радикальные предложения: ввести «табличный» или «многотоварный» стандарт для всех обменов, в ходе которых не происходит прямого обмена одного товара на другой. В этом состоит суть предложения Кейнса. Кейнс хочет, чтобы золото перестало быть деньгами. Он стремится заменить золото бумажным стандартом: по крайней мере внутри страны. Правительство или орган, уполномоченный правительством на проведение денежной политики, должны регулировать количество бумажных денег в обращении таким образом, чтобы покупательная способность денежной единицы не менялась⁹.

Американский ученый Ирвинг Фишер хочет создать стандарт, при котором бумажный доллар в обращении обменивался бы не на зафиксированное предварительно количество золота, а на количество золота, обладающее такой же покупательной способностью, как и та, которую имел доллар в момент перехода к новой системе. При этом доллар перестает соответствовать фиксированному количеству золота, покупательная способность которого колеблется, и становится соответствием меняющегося количества золота с (предположительно) неизменной покупательной способностью. Фишер предлагал устанавливать количество золота, соответствующее доллару, ежемесячно, в зависимости от колебаний индекса¹⁰. Оба реформатора сходятся в том, что золотые деньги, на ценность которых правительство влиять не может, должны смениться стандартом, которым правительство сможет «манипулировать», чтобы сохранять стабильную покупательную способность денежной единицы.

Хотя эти предложения всерьез рассматриваются, ни одно из них пока не реализовано. Вероятно, вопрос о стабилизации покупательной способности денежной единицы – это сегодня главная тема экономических споров в США, весьма бурных и непосредственных. Этот вопрос внимательно изучили члены палаты представителей. Газеты и журналы посвящают ему интересные статьи, а серьезные организации продвигают идеи Фишера в массы.

II. Золотой стандарт

1. Спрос на деньги

При золотом стандарте государство не влияет прямо на формирование ценности денежной единицы. Производство золота свободно, и на него влияет исключительно возможность получения прибыли. Все то золото, которое не потребляется в качестве товара, поступает в экономику в качестве денег и функционирует в ней либо в виде монет в обращении, либо в виде монет или слитков в банковских хранилищах. Если увеличение количества денег превышает рост спроса на деньги, то покупательная способность денежной единицы падает. И наоборот,

⁹ Keynes J. M. A Tract on Monetary Reform. London, 1923; New York, 1924. P. 177ff.

¹⁰ Fisher I. Stabilizing the Dollar. New York, 1925. P. 79ff.

если увеличение количества денег отстает от роста спроса на деньги, то покупательная способность денег растет¹¹.

Безусловно, при жизни нынешнего поколения покупательная способность золота снижалась. Однако до этого, после денежной реформы в Германии и великого экономического кризиса 1873 г., в течение двадцати лет раздавались жалобы на падение цен на товары. Правительства обращались к экспертам за рекомендациями, которые помогли бы им справиться с этим «злом». Влиятельные политические партии поддерживали направленные на повышение цен меры по увеличению количества денег. Они предлагали отказаться от золотого стандарта и перейти на серебряный, биметаллический или даже бумажный, так как считали, что производство золота слишком мало, чтобы удовлетворить растущий спрос на деньги при сохранении неизменного уровня покупательной способности денежной единицы. Однако в конце XIX в. эти жалобы стихли, и вскоре люди начали роптать по противоположному поводу: из-за роста стоимости жизни. Если в 1880—1890-е гг. денежные реформы были направлены на противодействие снижению цен, то теперь целью реформ стала борьба с их повышением.

Общий рост цен в золоте на товары и услуги объясняется положением в производстве золота и спросом на золото: как спросом на золото как на деньги, так и спросом на золото для использования в иных целях. Очевидно, каким образом производство золота влияет на соотношение ценности золота и иных товаров. Понятно, что снижение темпов роста добычи золота могло бы противодействовать обесценению золота. С использованием золота в промышленности тоже все ясно. Однако третий из перечисленных факторов, а именно спрос на золото как на деньги, требует пристального внимания, особенно в связи с тем, что его обычно не учитывают вообще.

В течение рассматриваемого периода многие части света, где ранее использовались серебряные или кредитные («бумажные») деньги, перешли на золотой стандарт. Объем денежных сделок значительно вырос. Разделение труда углубилось. Роль экономической самостоятельности и бартера упала. Денежные обмены пришли в те сферы экономической жизни, где их раньше не было. В результате спрос на деньги возрос. Не имеет смысла искать ответ на вопрос, достаточно ли было возросшего спроса на остатки наличности со стороны частных лиц в совокупности со спросом на использование золота в неденежных целях для того, чтобы уравновесить воздействие на цены поступающего на рынок вновь добытого золота. Статистики по остаткам наличности не существует, но даже если бы эти данные были доступны, они бы ничего не дали, так как изменения цен не соответствуют изменениям соотношения спроса и предложения наличности. Тем не менее нужно отметить, что увеличение спроса на деньги — это не то же самое, что увеличение спроса на золото для использования в денежных целях.

Применительно к остаткам наличности отдельного человека функцию денег выполняют такие денежные требования, которые удовлетворяются немедленно и считаются надежными. Эти заместители денег — мелкие монеты, банкноты и банковские вклады до востребования, деньги с которых можно снять в любой момент, — могут использоваться в любых сделках наравне с деньгами. Однако только часть этих заместителей денег полностью обеспечена запасами золота в банковских хранилищах. В годы, о которых мы говорим, использование заместителей денег росло гораздо более высокими темпами, чем спрос на деньги, а их обеспеченность падала. В результате, несмотря на значительный рост спроса на деньги, спрос на золото вырос недостаточно для того, чтобы рынок смог усвоить поступающее на него новое золото без того, чтобы его покупательная способность снизилась.

---

¹¹ Полное изложение теории формирования покупательной способности денежной единицы см.: *Mises L. von. The Theory of Money and Credit. 1953, p. 97—165; 1980, p. 117—185.* [Рус. изд.: *Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 95—161.*] — *Прим. амер. ред.*

2. Экономия на деньгах

Те, кто сегодня жалуется на снижение покупательной способности золота и мечтает о создании денежной единицы с более стабильной покупательной способностью, не должны забывать, что главную причину снижения ценности золота в этот период следует искать не в сфере производства, а в сфере денежной политики. На не обеспеченные золотом заместители денег, которые мы называем фидуциарными средствами платежа, в наше время приходится гораздо большая доля совокупного количества денег в мире¹², чем в предшествующий период. Этого не могло произойти без благосклонного отношения и даже активного участия денежной политики государства. Собственно говоря, именно денежная политика, направленная на «сбережение» золота, и породила те условия, которые привели к его обесценению.

Человечество несет определенные издержки в силу того, что использует в качестве денег товар типа золота, для производства которого требуется значительное количество труда и капитала. Если капитал и труд, потраченный на производство денежного золота, можно было бы сэкономить и использовать в других целях, то люди получили бы больше благ для удовлетворения своих непосредственных нужд. В этом не может быть никаких сомнений! Однако следует отметить, что в обмен на затраты по производству золота мы получаем деньги, обладающие относительно постоянной ценностью, и – что гораздо важнее – деньги, на которые не оказывают непосредственного влияния государство и политические партии. Тем не менее легко понять, почему люди начали задумываться о создании такой денежной системы, которая сохраняла бы все преимущества золотого стандарта, но при этом обходилась дешевле.

Адам Смит сравнивал золото и серебро, обращающиеся внутри страны в качестве денег, с дорогой, по которой на рынок возят скот и зерно, при том что на самой дороге ничего не растет. Замена драгоценных металлов банкнотами приводит, так сказать, к строительству дороги по воздуху, что позволяет использовать землю, прежде занятую дорогами, под пастбища и поля и тем самым значительно увеличить годовое производство. Затем, в 1816 г., Рикардо разработал знаменитый план золотодевизного стандарта. Согласно этому плану, Англия должна была продолжать придерживаться золотого стандарта, который доказал свою ценность во всех отношениях. Однако во внутренней торговле золотые монеты следовало заменить банкнотами, и эти банкноты должны были обмениваться лишь на золотые слитки, но не на золотые монеты. В результате ценность банкнот была бы равна ценности золота, и при этом страна получила бы денежный стандарт, обладающий всеми преимуществами золотого стандарта, но обходящийся дешевле.

Предложения Рикардо были воплощены в жизнь далеко не сразу. Более того, вначале о них забыли. Несмотря на это, в 1890-е годы многие страны перешли на золотодевизный стандарт; обычно он вводился как временная мера, а не означал собой сознательный переход к новой денежной политике. В наши дни золотой стандарт настолько распространен, что мы имеем полное право считать его «денежным стандартом нашей эпохи»¹³. Однако в большинстве этих стран или по крайней мере во многих из них золотодевизный стандарт приобрел форму, которую правильнее называть гибким золотодевизным стандартом¹⁴. Рикардо предла-

¹² Количество «денег в широком смысле» равно количеству собственно денег [денежного товара] в совокупности с фидуциарными средствами обращения [банкнотами, не обеспеченными банковскими депозитами и мелкой монетой].

¹³ *Machlup F. Die Goldkernwährung. Halberstadt, 1925. S. xi.*

¹⁴ Денежный стандарт, основанный на единице с гибким золотым паритетом; *Golddevisenkernwährung*, если переводить буквально, – это стандарт, основанный на конвертируемости денежной единицы в иностранную валюту, то есть «гибкий золотой стандарт». Позже Мизес пользовался сокращенным выражением «гибкий стандарт»; этот термин будем использовать и мы. См.: *Mises L. von. Human Action. [1949]; 3rd rev. ed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966; Scholar's Edition. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998. Ch. XXXI, section 3.* [Рус. изд.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. Гл. XXXI, § 3.*] – *Прим. амер. ред.*

гал сэкономить не только на издержках, связанных с чеканкой монеты, но и на количестве золота в обращении, которого гибкий стандарт требует меньше, чем «чистый» золотой стандарт.

Осуществление плана Рикардо в одной отдельно взятой стране при прочих равных должно было приводить к снижению покупательной способности золота. Чем больше стран переходит на эту систему, тем больше должна падать покупательная способность золота. Если какая-то одна страна переходит на золотодевизный стандарт, а все остальные сохраняют «чистый» золотой стандарт, то страна с золотодевизным стандартом немедленно получает преимущество с точки зрения издержек, ведь она может потратить то золото, которое становится избыточным при переходе на золотодевизный стандарт, на покупку других товаров за рубежом. Эти дополнительные товары приводят к улучшению благосостояния страны в результате введения золотодевизного стандарта. Золотодевизный стандарт служит перешедшей на него стране так же хорошо, как «чистый» золотой стандарт, но при этом имеет дополнительное преимущество: он позволяет увеличить количество благ.

Однако если все страны одновременно перейдут с «чистого» золотого стандарта на подобный ему золотодевизный стандарт, то дополнительных преимуществ такого рода не получит ни одна из них и распределение золота в мире не изменится, потому что в мире не будет ни одной страны, в которой можно будет обменять золото, ставшее избыточным после введения новой денежной системы, на другие блага. В этой ситуации переход на новый стандарт приведет исключительно к более резкому снижению покупательной способности золота. Такое обесценение денег, как и всякое изменение ценности денег, приведет к переменам в богатстве и доходах экономических агентов. Соответственно при некоторых обстоятельствах оно может косвенным образом привести к росту накопления капитала. Однако оно будет способствовать росту мирового богатства только в том смысле, что: 1) спрос на использование золота в других целях (в промышленности и т. п.) будет лучше удовлетворяться и 2) падение прибыльности золотодобычи приведет к сокращению производства и тем самым высвободит капитал и труд для использования в других целях.

3. Процент на «праздные» резервы

Кроме попытки «сэкономить» на золотом стандарте, сократив внутренний спрос на золото, выдвигались и другие подобные идеи. Хранение золотых резервов дорого обходится банкам, потому что при этом они упускают процент. Соответственно потребовался совсем небольшой шаг, чтобы перейти от не приносящих процента золотых резервов, хранившихся в банках, к приносящим процент зарубежным кредитовым остаткам, погашаемым в золоте по первому требованию, и к векселям, номинированным в золоте. Такого рода активы позволяют банкам-эмитентам (держателям золота) удовлетворять спрос на золото для внешнеторговых операций совершенно так же, как золотые монеты и слитки. Собственно говоря, дилер, представляющий расписки к погашению, предпочтет золоту чеки и векселя, иначе говоря, иностранные денежные бумаги, поскольку их транспортировка обходится гораздо дешевле транспортировки золота. Наибольшую склонность к конвертации части своих резервов в иностранные денежные бумаги проявили банки относительно бедных и небольших стран. Особенно сильный стимул для этого был в странах с золотодевизным стандартом, где банкам не нужно было учитывать спрос на золото для использования в обращении внутри страны. Так золотодевизный стандарт [Goldkernwährung] превратился в гибкий золотодевизный стандарт [Golddevisenkernwährung], или просто гибкий стандарт.

Но цель этой политики состояла не только в том, чтобы снизить издержки, связанные с хранением и обращением золота. Во многих странах, в том числе в Германии и Австрии, считалось, что такая политика должна способствовать снижению ставки процента. Задолго до этого

под влиянием денежной школы были приняты банковские законы, направленные на то, чтобы избежать инфляции бумажных денег. Эти законы ограничивали выпуск банкнот, не обеспеченных золотом. Новое поколение, выросшее на идеях исторической и реалистической школы в экономической науке, находилось под влиянием теории банковской школы и не понимало, для чего нужны такие законы.

Новое поколение не отличалось оригинальными идеями. Это предотвратило резкие повороты в экономической политике. В соответствии с господствовавшими взглядами ограничения на эмиссию банкнот, не обеспеченных металлом, были отменены. При этом старые законы почти не изменились, хотя и предпринимались различные попытки ограничить их влияние. Прежде всего следует отметить систематическое и сознательное стимулирование перехода на безналичные расчеты. Ожидалось, что замена наличности чеками и другими способами безналичных платежей не только приведет к спаду спроса на банкноты (бумажные деньги), но и вызовет приток золотых монет обратно в банк, а следовательно, рост остатков наличности у банка. Поскольку и немецкое и австрийское банковское законодательство требовало, чтобы банкноты были обеспечены золотом лишь частично, то приток золота обратно в банк означал, что он получает возможность напечатать дополнительные банкноты: в Германии на сумму, в три раза превышающую ценность поступившего золота, а в Австрии – в два с половиной раза. В последние десятилетия банковская теория придерживалась мнения, что это должно приводить к снижению ставки процента.

4. Золото остается деньгами

Если бросить взгляд на современную денежную и банковскую политику, то сразу станет очевидно, что обесценение золота объясняется в значительной степени именно политическими мерами. Снижение покупательной способности золота и постоянный рост цен в золоте всех товаров и услуг не являются чем-то естественным. Это последствия экономической политики, которая, безусловно, была направлена на достижение иных результатов, но неизбежно привела именно к таким. Мы уже упоминали о том, что корректные количественные оценки здесь невозможны. Тем не менее очевидно, что причина наблюдавшегося с 1896 г. обесценения золота не в росте производства или по крайней мере не только в нем. Политика, направленная на вытеснение золота из обращения, целью которой была замена «чистого» золотого стандарта золотодевизным или гибким стандартом, привела к снижению ценности золота или по крайней мере способствовала этому. Возможно, если бы такая экономическая политика не проводилась, сегодня раздавались бы жалобы не на обесценение золота, а на чрезмерный рост его ценности.

Новая денежная политика не привела к демонетизации золота, как это недавно случилось с серебром. Золото продолжает оставаться основой всей нашей денежной системы. Золото по-прежнему остается нашими деньгами. Нет оснований считать, что золото перестало быть деньгами, как уверяют безмозглые шарлатаны, стремящиеся излечить человечество от «денежных иллюзий». Тем не менее золото действительно в значительной степени выведено из реального обращения. Его больше не видно; оно лежит в банковских хранилищах в качестве денежных резервов. Золото перестало использоваться в повседневной жизни, что привело к снижению его ценности.

Неправильно говорить о том, что рост цен в последние годы свидетельствует о неискоренимых недостатках золотого стандарта. Та денежная система, которая привела к росту цен, отнюдь не является классическим золотым стандартом, за который выступают приверженцы золотого стандарта в Англии и Германии. Рост цен был вызван денежной и банковской политикой, позволившей перейти с «чистого», «классического» золотого стандарта на золотодевизный и гибкий стандарты, политикой, в результате которой в обращении остались только

банкноты и мелкие монеты, а золотой запас сосредоточился в банковских хранилищах и золотовалютных резервах.

III. «Манипулирование золотым стандартом»

1. Денежная политика и покупательная способность золота

Главной особенностью старого, «чистого», классического золотого стандарта в том его виде, в каком он был первоначально разработан в Англии и позже принят в Германии после создания германской империи, было то, что он обеспечивал независимость процесса формирования цен от политики и от присущей политике частой смены воззрений. Именно это особенно ценили в золотом стандарте либералы¹⁵, опасавшиеся, что на экономику может негативно повлиять склонность правительства предоставлять привилегии одним группам за счет других.

Однако не следует забывать, что и при «чистом» золотом стандарте правительственные меры также могут оказывать существенное влияние на ценность золота. Во-первых, именно правительство принимает решение о переходе на золотой стандарт и об отказе от него. Мы не будем останавливаться на этом подробно. Отметим лишь, что мы понимаем влияние этих действий правительства совершенно не так, как различные «государственные теории денег», чью абсурдность уже давно никто не оспаривает. Повсеместная замена серебряного стандарта золотым и переход некоторых стран от кредитных денег к золотым способствовал росту спроса на денежное золото в годы, предшествовавшие [первой] Мировой войне [1914–1918]. Война привела к изменениям в денежной политике и заставила воюющие страны, а также некоторые нейтральные государства выбросить на рынок значительную часть своего золотого запаса, что увеличило предложение золота на мировых рынках. Любой политический шаг, оказывающий влияние на спрос на золото (в качестве денег) или на количество денежного золота, представляет собой «манипулирование» золотым стандартом и влияет на все страны, придерживающиеся золотого стандарта.

Золотодевизный стандарт и гибкий стандарт отличаются от «чистого» золотого стандарта исключительно степенью использования в обращении заместителей денег, поэтому они тоже подвержены манипулированию. Денежная политика влияет на «чистый» золотой стандарт – с одной стороны, потому что от денежной политики зависит, придерживается ли то или иное политическое образование золотого стандарта или отвергает его, с другой стороны, потому что денежная политика в рамках золотого стандарта может привести к изменениям спроса на золото, если она увеличивает или уменьшает количество золота в обращении или меняет требования по резервированию для банкнот и счетов до востребования. Влияние денежной политики на формирование ценности [т. е. покупательной способности] золота ограничено теми же аспектами также применительно к золотодевизному и гибкому стандартам. При золотодевизном и гибком стандартах правительство и органы, ответственные за денежную политику, могут влиять на формирование цены золота посредством изменений в денежной политике. Степень их влияния зависит от того, какую долю мирового роста (или снижения) спроса на золото составляет рост (снижение) спроса на золото в пределах данной страны.

---

¹⁵ «Я использую термин „либерал“ в том смысле, в каком он повсеместно употреблялся в XIX в. и продолжает употребляться сегодня в странах континентальной Европы. Мне необходим этот термин; нет никакого другого способа обозначить то политическое и интеллектуальное движение, которое заменило докапиталистические способы производства свободным предпринимательством и рыночной экономикой, абсолютизм королей и олигархов – конституционной представительной властью, а рабство и крепостное право – свободой для всех людей» (*Mises L. von. Human Action. 3rd ed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1963. P. v.*). – *Прим. амер. ред.*

Когда сторонники «чистого», классического золотого стандарта говорили о том, что ценность золота не зависит от влияния правительства, они имели в виду, что после повсеместного перехода к золотому стандарту (а сторонники золотого стандарта в последней трети XIX в. не сомневались, что такой переход произойдет, поскольку к тому времени его приняли уже почти все страны) никакие действия политиков не могут оказать влияние на формирование денежной ценности. Это справедливо и для золотодевизного, и для гибкого стандарта. Позиция сторонника «чистого» денежного стандарта вполне позволяла ему делать замечания, скажем, о том, что на ценность золота может значительно повлиять изменение политики Федерального резерва США (к примеру, введение золота в обращение или увеличение золотых резервов в странах Европы). В этом смысле «манипулированию» в наше время подвержены все денежные стандарты. Преимущество золотого стандарта – все равно, «чистого» или «девизного» – состоит исключительно в том, что после того, как его примут все, на него нельзя будет повлиять с помощью конкретных политических мер.

Война и послевоенные шаги в сфере денежной политики радикально изменили ситуацию с деньгами во всем мире. В наши дни [1928] государства одно за другим возвращаются к золоту, и очень вероятно, что вскоре этот процесс станет всеобщим. В связи с этим встает вопрос о том, следует ли сохранить преобладающий сегодня золотодевизный стандарт или же следует вернуться к использованию золота в сделках небольшого масштаба, как это было раньше, при «чистом» золотом стандарте. И если принято решение придерживаться девизного стандарта, то следует ли хранить резервы в золоте? Если да, то какой должна быть их величина? Или, может, некоторым странам достаточно иметь запас иностранной валюты, погашаемой в золоте? (Понятно, что на гибкий стандарт не могут перейти все страны. По крайней мере одна страна должна иметь реальные золотые резервы, даже если золото выведено из обращения.) Можно утверждать, что золотой стандарт не подвержен описанному выше манипулированию только в том случае, если поддерживается такое положение дел, которое складывается в каждый отдельный момент, и при этом никакого вмешательства со стороны государства не происходит (это относится, естественно, и к банковским резервам). Если же реакция государства связана с резким изменением спроса на денежное золото, то и покупательная способность золота тоже должна измениться.

Ясности ради еще раз скажем, что мы принципиально согласны с мнением приверженцев золотого стандарта о его специфических достоинствах. Изменения в денежной системе любой большой и богатой страны всегда сильно влияют на создание денежной ценности. После того, как эти изменения произойдут и окажут воздействие на покупательную способность золота, ценность денег снова меняется под влиянием возврата к предшествовавшей денежной системе. Однако это никак не влияет на истинность тезиса о том, что при золотом стандарте создание ценности не зависит от политики, при условии что структура этого процесса или границы области, которую он охватывает, не подвергаются принципиальным изменениям.

2. Изменения покупательной способности золота

Ирвинг Фишер и многие другие критикуют золотой стандарт за то, что по его вине покупательная способность золота значительно снизилась после 1896 г. и особенно после 1914 г. На всякий случай следует отметить, что это снижение покупательной способности золота на самом деле объясняется денежной политикой: к нему привели меры по «экономии» золота, предпринятые с 1896 по 1914 г., а также отказ от золота во многих странах после 1914 г. Когда золотой стандарт обвиняют в том, что возвращение к использованию золота в реальных сделках и рост золотых резервов в странах с золотодевизным стандартом приведет к росту покупательной способности золота, становится очевидно, что мы имеем дело с такими последствиями

политических изменений в денежной политике, которые трансформируют структуру золотого стандарта.

Покупательная способность золота не является «стабильной». Следует отметить, что такой вещи, как «стабильная» покупательная способность, в принципе нет и быть не может. Строго говоря, только в экономике, пребывающей в конечном состоянии покоя¹⁶, т. е. там, где все цены остаются неизменными, могут существовать деньги с фиксированной покупательной способностью. Тем не менее невозможно оспаривать то, что после повсеместного перехода на золотой стандарт и при условии неизменности этого стандарта формирование покупательной способности золота перестает зависеть от воздействия разнонаправленных усилий политиков.

Поскольку источников золота немного и все они рано или поздно исчерпаются, то существует страх перед грядущим дефицитом золота и его следствием: непрерывным снижением цен на товары. Такие опасения были особенно широко распространены в конце 1870—1880-х, но с тех пор они улеглись и только в последнее время вновь появились. Авторы некоторых расчетов утверждают, что ныне разрабатываемые золотые прииски и россыпи в ближайшем будущем истощатся, а никаких новых месторождений обнаружено не будет. В этих условиях продолжающийся рост спроса на деньги приведет к неизбежному снижению товарных цен — конечно, при условии сохранения золотого стандарта¹⁷.

Однако с прогнозами подобного рода нужно быть очень осторожным. Полвека назад знаменитый геолог Эдуард Зюсс¹⁸ прогнозировал неизбежный спад в золотодобыче, основываясь на аргументах, которые он считал научными. Вполне возможно, что прогнозы нынешних Кассандр окажутся не менее ошибочными. При этом в конечном счете мы согласны с ними в том, что цены действительно демонстрируют тенденцию к снижению [1928] и что общество действительно испытывает на себе последствия роста покупательной способности золота. В конце второй части этой статьи мы кратко изложим наше представление о том, что можно сделать, чтобы переломить экономический пессимизм.

IV. «Измерение» изменений покупательной способности денежной единицы

1. Идеальные конструкции

Все предложения заменить товарные деньги, т. е. золото, деньгами, качество которых якобы выше золотых в силу того, что их ценность якобы «стабильнее», по умолчанию основаны на представлении, что изменения в покупательной способности можно измерить. Рассматривать в качестве идеала денежную единицу с неизменной покупательной способностью и разрабатывать планы достижения этого идеала можно исключительно исходя из такого предположения. Предложения такого рода, не слишком ясные и логически противоречивые, основаны на старой и давно отвергнутой научным сообществом объективной теории ценности. Любопытно, что они отчасти противоречат даже и этой устаревшей теории — что уж говорить о том, как они выглядят в контексте современной, субъективистской экономической науки.

То влияние, которое имеют эти предложения в обществе, можно объяснить лишь тем, что до самого последнего времени субъективистская экономика ограничивалась в основном теорией прямого обмена (бартера). Лишь с недавних пор она стала заниматься теорией промежуточных (косвенных) обменов, т. е. теорией общепризнанного средства обмена (теорией

¹⁶ См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 231. — Прим. ред.

¹⁷ Cassell G. Währungsstabilisierung als Weltproblem. Leipzig, 1928. S. 12.

¹⁸ Эдуард Зюсс (1831–1914) в 1877 г. опубликовал на немецком языке исследование, посвященное будущему золота. — Прим. амер. ред.

денег), теорией фидуциарных средств обращения (теорией банковского дела), а также связанными с этим принципиальными вопросами¹⁹. Давно пришла пора раз и навсегда разъяснить ошибочность представления о том, что покупательную способность можно измерить.

Меновые отношения на рынке постоянно меняются. Если представить себе рынок, на котором не используется универсальное средство обмена, иначе говоря, рынок, где нет денег, то легко осознать всю бессмысленность попыток измерить изменения меновых соотношений. Изменения обменных соотношений между деньгами и каждым отдельно взятым товаром, участвующим в обмене, могут иметь общее направление лишь в том случае, если мы предположим, что все меновые соотношения между товарами неизменны и постоянны, а затем сравнить каждый из этих товаров с деньгами. Лишь тогда можно говорить об общем снижении или росте денежных цен на все товары и соответственно об общем падении или росте «уровня цен». Но мы не должны забывать, что речь идет о чисто мысленной, или идеальной, конструкции, о том, что Файхингер называл «как-если-бы»²⁰. Такого рода идеальные конструкции создаются осознанно; они составляют неотъемлемую часть научного способа мышления.

Возможно, потребность в таких мысленных конструкциях станет понятнее, если мы будем рассуждать не с точки зрения объективной меновой ценности рынка, а с точки зрения субъективной оценки обмена действующим человеком. Для этого следует представить себе абсолютно неизменного человека, чьи ценности незыблемы. Такой человек, на основе своей незыблемой шкалы ценностей, мог бы установить покупательную способность денег. Он мог бы точно сказать, насколько изменилось то количество денег, которое ему требуется потратить, чтобы достичь конкретного уровня удовлетворенности. Представление об определенной структуре цен, т. е. об «уровне цен», способном подниматься и опускаться, является фикцией в той же степени, что и наш воображаемый человек. Тем не менее оно позволяет нам ясно понять, что любые изменения меновых соотношений между товаром, с одной стороны, и деньгами – с другой всегда приводят к изменениям в распределении богатства и дохода между действующими людьми. Соответственно любое такое изменение также следует рассматривать в качестве динамического фактора. Таким образом, недопустимо исходить из представления о существовании «уровня» цен, изменяющегося в каком-то определенном направлении.

¹⁹ Mises L. von. The Theory of Money and Credit. 1953, p. 116ff.; 1980, p. 138ff. [Рус. изд.: Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 117 сл.] – Прим. амер. ред.

²⁰ Ганс Файхингер (Hans Vaihinger, 1852–1933) – немецкий философ, кантовед, автор книги «Философия как-если-бы» («Philosophie des Als Ob» 1911 г.; англ. пер. «The Philosophy of As If», 1924 г.). – Прим. амер. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.